

Славяне и Византія.

Всѣмъ, кто такъ или иначе занимался когда-либо исторіей славянъ, ихъ выступленіемъ на историческое поприще, ходомъ сложенія ихъ культурной жизни, духовнаго развитія, — хорошо извѣстно, что коренные вопросы въ этой области могутъ быть правильно намѣчаемы, изучаемы и рѣшаемы только на основѣ уясненія явленій исторіи Византійской имперіи.

Византія, отъ которой по убѣжденію славянъ «добрый законъ исходитъ», на пути своей, захватывающей громадную часть міра, политики, должна была довольно рано столкнуться со славянствомъ, начавшимъ выходить изъ своей отдаленной, долго никому невѣдомой прародины. Она не могла не сознать, что славянство—громадная сила, которую надлежитъ направить въ наиболѣе выгодную для Восточной имперіи сторону и использовать въ опредѣлившейся борьбѣ съ западомъ. Вотъ почему историкъ славянства не можетъ не стремиться къ тому, чтобы факты прошлой жизни славянъ возможно тѣснѣ сопоставляемы были съ явленіями исторіи Византіи. Вслѣдствіе этого для насъ и является исключительно цѣннымъ то изложеніе исторіи Византіи, въ которомъ славянство не только не забыто, но съ должнымъ вниманіемъ изучено въ связи съ соотвѣтствующими моментами Византійской имперіи.

Такой именно поучительный для историка славянства матеріалъ находится въ исторіи Византійской имперіи академика *Θ. И. Успенскаго*.

Ознакомившись съ вышедшимъ уже въ свѣтъ I томомъ этого монументальнаго труда и получивъ возможность, благодаря вниманію автора, ознакомиться и со II томомъ его въ корректурныхъ

листахъ,—я и хочу въ общемъ очеркѣ изложить моменты славянской исторіи въ томъ объемѣ и освѣщеніи, которые имъ отведены Θ. И. Успенскимъ въ названномъ трудѣ.

Прежде всего насъ интересуеъ вопросъ, когда въ Византійской имперіи появились первыя свѣдѣнія о томъ народѣ, который въ V—VI вѣкахъ уже извѣстенъ подъ именемъ славянъ? Вновь возникавшая Восточная римская или Византійская имперія очень внимательно относилась ко всѣмъ появлявшимся у сѣверныхъ ея границъ варварскимъ племенамъ. Она учитывала значеніе ихъ передвиженій и, конечно, не могла не стремиться знакомиться съ ними. Этимъ, напримѣръ, объясняется и отправленіе въ 448 году Θеодосіемъ II посольства въ лагерь Атиллы, расположенный въ нынѣшней Венгріи на р. Тиссъ. Все, что послы увидѣли и испытали въ станѣ Атиллы, составило предметъ описанія Приска Панійскаго, участвовавшего въ посольствѣ. Этотъ литературный памятникъ представляетъ собой чрезвычайно важный источникъ для исторіи середины V вѣка.

Академикъ Θ. И. Успенскій, останавливаясь на разсмотрѣннн посольства, замѣчаетъ: «Въ описаніи Приска нѣкоторыя черты заслуживаютъ особеннаго вниманія. Прежде всего слѣдуетъ вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византійское посольство, вскорѣ затѣмъ становится славянскимъ достояніемъ». Но весьма можетъ быть, что гунны нашли уже здѣсь славянъ и покорили ихъ своей власти (т. I, стр. 180). Авторъ, отмѣчая это, поясняетъ намъ, что сообщеніе Приска объ образѣ жизни населенія занятой гуннами страны пріобрѣтаетъ исключительный интересъ. Прискъ впервые остановилъ вниманіе высшаго класса имперіи на людяхъ, которые, входя въ составъ полчищъ Атиллы, отличались отъ гунновъ очень многими чертами быта и нравовъ. Черты эти для насъ весьма характерны, и мы имѣемъ полное основаніе допускать, что Византія, благодаря труду Приска, уже повнакомилась со славянами.

Появившись у сѣверныхъ границъ имперіи среди многообразныхъ полчищъ варваровъ, славяне вскорѣ стали приближаться къ Дунаю. Уже въ 493 году дунайскія области начали обращать на себя вниманіе Анастасія. Здѣсь послѣ отлива раз-

личныхъ народностей славяне появляются уже и подъ собственнымъ именемъ. При Анастасіи было понято не только значеніе этой славянской иммиграціи, но и признана невозможность бороться съ постоянно возобновляющимся напоромъ славянъ изъ-за Дуная. Памятникомъ такого положенія дѣла и служить построенная Анастасіемъ такъ называемая Длинная стѣна. Такая мѣра защиты столицы отъ нападений разныхъ сѣверныхъ варваровъ, а въ томъ числѣ и славянъ, вызывалась возможностью угрозъ столицѣ съ ихъ стороны. Справедливость этого подтверждается напряженіемъ и силой возстанія Виталиана. Академикъ Ѳ. И. Успенскій возстаніе это выдѣляетъ, какъ фактъ, свидѣтельствующій о возникновеніи извѣстной организаціи среди федератовъ въ придунайскихъ областяхъ. О происхожденіи Виталиана трудно сказать что-либо опредѣленное, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ близкія сношенія съ различными варварскими народами, а въ томъ числѣ и славянами. Принявъ на себя защиту интересовъ федератовъ, обиженныхъ сокращеніемъ идущаго отъ казны содержанія, Виталианъ сталъ во главѣ недовольныхъ, собралъ изъ нихъ армію и предъявилъ къ императору рядъ требованій. Возстаніе Виталиана имѣло большой успѣхъ, императоръ Анастасій вынужденъ былъ сдѣлать рядъ уступокъ, которыя однако не удовлетворили Виталиана, продолжавшаго громить владѣнія имперіи и принявшаго титулъ императора. Сломить своего соперника Анастасію, конечно, удалось, но не безъ усилій и напряженій силъ имперіи. Виталианъ являлся у стѣнъ Константинополя три раза во главѣ войскъ, собранныхъ изъ племенъ разнаго происхожденія; онъ получалъ отъ правительства громадныя выкупныя суммы и всякія льготы. Такого рода результаты бунта федератовъ должны были имѣть весьма важныя послѣдствія.

Разнообразныя варварскія племена, въ числѣ которыхъ были и славяне, благодаря предпріятіямъ Виталиана, увидѣли, что имперія вовсе не представляетъ несокрушимаго по силѣ и крѣпости организма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣдились, что слухи о колоссальныхъ богатствахъ Константинополя справедливы. Принявъ все это во вниманіе, мы и должны заключить, что уже въ первые годы VI вѣка славянскія племена стали къ имперіи въ опредѣленные отношенія; племена эти показали себя способными

и готовыми принимать участие въ экспедиціяхъ, направленныхъ къ сокрушенію имперіи. Византійское правительство не могло, не учитывать всего этого, а потому для него славянская иммиграція должна была получать все больше значенія и наконецъ привести къ тому, что славянскій вопросъ въ исторіи Византіи сталъ вопросомъ первой важности.

Значеніе этого вопроса подчеркивается въ трудѣ Θ. И. Успенскаго очень опредѣленно и ясно. «И по своему безотносительному значенію, говоритъ онъ (т. I, стр. 386), и по продолжительности воздѣйствія на всѣ стороны жизни византійскаго государства, и, наконецъ, по взаимодействію государственныхъ, правовыхъ и культурныхъ началъ—славяне занимали большое мѣсто въ исторіи Византіи»...

Въ виду этого, приступая къ разсмотрѣнію тѣхъ періодовъ исторіи Византіи, въ которые, какъ я отмѣтилъ выше, она должна была послѣ отрывочныхъ, случайныхъ знакомствъ со славянами—стать къ нимъ въ болѣе тѣсныя сношенія,—авторъ считаетъ нужнымъ посвятить особую главу (въ періодѣ I, гл. XIII) начальному періоду исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Факты вторженія славянъ въ имперію, какъ мы видѣли на примѣрѣ возстанія Виталиана, наблюдаются въ V и VI в. По мнѣнію автора въ этихъ вторженіяхъ нужно различать двоякій порядокъ. Сначала, именно съ половины V в., наблюдаемъ набѣги и вторженія изъ-за Дуная съ цѣлью грабежа и добычи и такія же поспѣшныя отступленія въ прежнія становища за Дунаемъ. Затѣмъ въ VI в. образуется довольно значительный пластъ населенія изъ славянъ, которые прочно осѣли на свободныхъ земляхъ и изъ которыхъ набираются новые отряды, доходившіе до главныхъ центровъ имперіи. Таковы, вѣроятно, были славянскіе элементы въ полчищахъ Виталиана.

Прежніе слависты выражали мнѣніе, что славяне мирнымъ путемъ захватили Балканскій полуостровъ и что византійское правительство спокойно уступало имъ для колонизаціи свои слабо населенныя провинціи. Такое мнѣніе не соответствуетъ ни дѣйствительному характеру славянъ, дѣлавшихъ набѣги на имперію, ни существу взаимныхъ отношеній между славянами и имперіей на Балканскомъ полуостровѣ. Причина, препятствовавшая установленію правильныхъ взглядовъ на характеръ отноше-

ній между славянами и имперіей, не заключается, по мнѣнію С. И. Успенскаго (т. I, 393), только въ идеализаціи и даже нѣкоторой тенденціозности, допущенной славистами первой половины прошлаго вѣка, но частью объясняется самими источниками и путаницей въ этнографической терминологіи. Въ течение длиннаго періода времени имперія была свидѣтельницей появленія на ея границахъ и даже вступленія на службу многихъ и разнообразнаго происхожденія племенъ, которыя на нѣкоторое время становились даже подданными императора. Народности смѣняли одна другую, происходили осѣданія племенъ разныхъ типовъ. Для современниковъ не было особыхъ побужденій къ тщательному изученію смѣнявшихся народностей. Одна и та же жадность къ добычѣ, почти одинаковый способъ веденія войны, сходство въ обычаяхъ и нравахъ часто давали возможность видѣть въ новыхъ варварахъ старыхъ. Оттого такъ долго держится имя скифовъ и сарматовъ, оттого имя гунновъ перешло на аваровъ и потомъ на славянъ. Все это дѣлаегь понятнымъ тогъ фактъ, что самый процессъ иммиграціи славянъ на Балканскій полуостровъ остался слабо отмѣченнымъ, и писатели VI вѣка говорятъ уже о совершившемся фактѣ заселенія славянами огромныхъ пространствъ въ предѣлахъ имперіи.

Академикъ С. И. Успенскій первый историческій періодъ славянства называетъ византійскимъ. Къ этому должно побуждать какъ то, что періодъ этотъ открывается на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и то, что первыя свѣдѣнія о славянахъ почерпаются изъ изученія сѣверо-западныхъ окраинъ Византійской имперіи. Для характеристики этого періода исторіи славянства онъ дѣлаегь весьма яркое сравненіе перваго періода германской исторіи; называемаго романскимъ, съ подпавшимъ подъ вліяніе византизма начальнымъ періодомъ славянства. Германскіе народы выступаютъ въ исторіи съ болѣе развитыми формами гражданственности, чѣмъ славяне, и съ рѣзко выраженными чертами индивидуализма, успѣли образовать на завоеванныхъ территорияхъ Римской имперіи собственныя національныя государства подъ воздѣйствіемъ римскихъ культурныхъ началъ и христіанства,—славяне оказались не въ силахъ стереть Византійскую имперію и образовать на ея земляхъ національныя княженія. Славяне не могли не увлечься прелестями высшей культуры; они не въ силахъ

были противостоятъ ухищреніямъ опытной византійской дипломатіи. Вслѣдствіе этого они частью слились съ имперіей въ одинъ политическій организмъ, частью приняли на себя порученіе оберегать ее отъ новыхъ варварскихъ нападений. Все это и повело къ тому, что древняя исторія славянъ вплоть до періода образованія славянскихъ государствъ въ VIII—IX в. в. не имѣетъ самостоятельнаго характера и не только проникнута византизмомъ, но и можетъ получить нѣкоторый свѣтъ исключительно изъ исторіи Византіи.

Начальнымъ моментомъ своей національной исторіи южные славяне, по мнѣнію Э. П. Успенскаго (т. I, стр. 464), имѣютъ основаніе считать царствованіе Юстина (518—527 г.). Къ этому именно періоду мы должны относить первое организованное нападеніе на Византію славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Около 519 года племянникъ Юстина Германъ, бывший стратигомъ Фракіи, нанесъ славянамъ, вторгшимся изъ-за Дуная въ имперію, сильное пораженіе. Свѣдѣнія объ этомъ сообщаетъ Прокопій, для котораго уже, очевидно, славяне были величиной опредѣленной, выдѣлявшейся изъ той массы варваровъ всевозможныхъ видовъ и происхожденія, въ которой они раньше скрывались въ безвѣстности и съ которой они совершали прежніе свои набѣги на имперію. Выступивъ теперь самостоятельно, они, конечно, явились опредѣленной этнографической единицей, которой надлежало совершить поступательное движеніе по открывшемуся пути, т. е. начать самостоятельную жизнь, самостоятельную исторію. Германъ нанесъ славянамъ очень сильное пораженіе, которое сдержало ихъ, но только на нѣкоторое время. Жизненность и сила славянъ сломлены не были; это вполне ясно видно изъ того, что уже въ царствованіе Юстиніана имперія не имѣетъ отдыха отъ набѣговъ ихъ. Тотъ же Прокопій объ этомъ говоритъ вполне опредѣленно, замѣчая, что гунны, славяне и анты своими почти ежегодными набѣгами со времени вступленія на престолъ Юстиніана причиняли невыразимыя бѣдствія населенію.

Для характеристики славянъ въ половинѣ VI вѣка всѣ эти вторженія даютъ весьма цѣнный матеріалъ. Отдѣльныя лица изъ славянскихъ племенныхъ старшинъ и изъ предводителей славянскихъ дружинъ знакомятся съ византійскими нравами и усваиваютъ греческій языкъ. Становясь полуобразованными греками, они вступаютъ на византійскую службу и достигаютъ извѣстности,

какъ военные люди; къ числу ихъ нужно, напр., отнести Хильвуда или Хвилибуда, который удачно въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, въ качествѣ начальника фракійскихъ войскъ Юстиніана, защищалъ имперію отъ вторженія славянъ. Переходы славянъ за Дунай постепенно становятся болѣе цѣлесообразными и концентрированными, хотя они совершаются пока только отдѣльными дружинами небольшихъ племенъ. Политическая и военная организація славянъ крѣпнеть постепенно. Этому способствуютъ какъ все болѣе опредѣлявшіяся сближенія съ греками, такъ особенно сношенія съ аварами, которые вели набѣги въ извѣстной системѣ и послѣдовательности, намѣчая наиболѣе интересные пункты для захвата. Этимъ, конечно, и нужно объяснить, что славяне довольно рано начинаютъ стремиться на Солунь. Эта цѣлесообразность и планомерность набѣговъ славянъ съ теченіемъ времени все болѣе усиливается. Къ концу VI вѣка точкой отправления для славянскихъ нападений на имперскія области служить уже не правый берегъ Дуная, а самый Балканскій полуостровъ, въ значительной части занятый славянами; цѣлью же славянскихъ домогательствъ къ имперіи становится завоеваніе не только Солуны, но и захватъ острововъ и Греціи, а также занятіе Константинополя. къ которому они приближались съ суши и съ моря.

Ходъ распространенія славянской иммиграціи на Балканскій полуостровъ авторъ разсматриваетъ на основаніи документальныхъ данныхъ. Имъ для этой цѣли привлечены свѣдѣнія, которыя заключаются въ актахъ св. Димитрія (Acta SS. подъ 8 октября), въ извѣстіи Іоанна Ефесскаго, въ лѣтописи Іоанна епископа Никіу, въ хроникѣ Михаила Спрійца и др. Сопоставленіе и яркое освѣщеніе этихъ свѣдѣній (Т. I, стр. 474 и слѣд.) даютъ возможность сдѣлать опредѣленный выводъ о характерѣ и цѣляхъ славянскихъ переселеній. Какъ самостоятельные походы славянъ, такъ и послѣдующія ихъ вторженія въ союзѣ съ аварами направлены къ двумъ ясно выраженнымъ цѣлямъ — къ завладѣнію Балканскимъ полуостровомъ и къ господству на Эгейскомъ морѣ и на островахъ. Въ самомъ концѣ VI вѣка обѣ эти цѣли были осуществлены, славяне владѣли уже флотомъ, дѣлали набѣги на приморскіе города и на острова и затрудняли сношенія столицы на Мраморномъ морѣ. имѣли прочную осѣдность въ Фессалии и Греціи, нѣсколько разъ пытались овладѣть Солунью и проч. Все

это въ высшей степени должно дѣлать понятнымъ тотъ фактъ, что въ половинѣ VII вѣка Балканскій полуостровъ представляетъ населеніе почти однородное, съ преобладаніемъ повсюду славянскаго элемента. Балканскій полуостровъ ославянился, все поселенцы, на немъ бывшіе до славянъ, подверглись ихъ большому или меньшему вліянію, хотя, конечно, уцѣлѣли до сихъ поръ (албанцы, румыны).

По завершеніи иммиграціи на Балканскій полуостровъ у славянъ долженъ былъ бы выдвинуться вопросъ о созданіи какихъ либо новыхъ формъ жизни. Наблюденія нѣкоторыхъ писателей (Проконіи, Маврикіи) даютъ намъ, какъ извѣстно, весьма любопытный матеріалъ о семейно-родовомъ бытѣ, какъ неконной формѣ жизни славянъ.

Такой бытъ, конечно, долженъ составлять бо льшее препятствіе для образованія значительныхъ племенныхъ союзовъ и государственной организаціи. Славяне, захвативъ Балканскій полуостровъ, въ своихъ нападеніяхъ на византійскіе города, въ своей колонизаціи свободныхъ мѣстъ, дѣйствія свои сопровождали тѣмъ же сознательно подготовляемымъ и неоднократно выраженнымъ ихъ вождями планомъ, что и германцы въ своихъ нападеніяхъ на Западную имперію, но результаты оказались различными. Славяне, говоритъ авторъ (т. I, 675), оказались слабыми въ борьбѣ, не уничтожили Восточной имперіи и не замѣнили императора кѣмъ-либо изъ своихъ жупановъ, но значительной частью вошли въ составъ имперіи, придавъ новыя черты византинизму и сами испытавъ разнообразныя его вліянія. Славянскія племена, не стерли Византійскаго государства, не уничтожили имперіи, какъ это сдѣлали западные народы съ Римомъ, и вмѣсто периода образованія государственности ограничились попытками сліянія съ имперіей. Попытки эти, однако, не дали благопріятныхъ для славянъ результатовъ. Византія, не считая выгоднымъ для себя допущеніе образованія крупныхъ центровъ среди славянства, стремилась къ поселенію розни и вражды между отдѣльными колѣнами—жупами, а вмѣстѣ съ этимъ не желала поступаться своими владѣніями въ пользу варваровъ. Она предпочла трактовать славянъ какъ своихъ колонистовъ, назначаемыхъ для несенія службы, которая была бы совмѣстима съ интересами государства. Приведенные авторомъ (т. I, стр. 620 и др.) примѣры этого очень рельефны и убѣдительны.

Лѣтопись Теофана сообщаетъ намъ свѣдѣнія о переводѣ Юстиніаномъ II-мъ 30.000 славянъ въ провинцію Опсикію. Изъ этихъ колонистовъ было устроено военное ополченіе, организація и назначеніе котораго напоминаетъ нѣсколько нашихъ казаковъ. Стремленіе византійскаго правительства использовать славянъ для несенія пограничной службы подтверждается фактомъ переселенія въ 754 году также въ Малую Азію 208.000 человекъ: эта славянская колонія была поселена у рѣки Артаны и имѣла обязанность выставять въ византійскую армію значительное число воиновъ.

Слабость внутренней организаціи съ одной стороны, а съ другой опытъ и настойчивость византійскаго правительства въ дѣлѣ смиренія непокорныхъ его воля варваровъ — не могли содѣйствовать тому, чтобы славяне самостоятельно организовались въ государственную единицу, настолько прочную и сильную, чтобы быть въ состояніи, сохранивъ свою самобытность, явиться для Византіи сосѣдомъ, а не рабочей массой, назначенной для несенія колонизаціонной службы. Выйти изъ такого положенія славяне могли лишь путемъ перехода къ государственной организаціи: только въ этомъ случаѣ они могли бы намѣтить какія-либо свои національныя стремленія и стать къ имперіи въ отношенія сосѣдняго съ нею государства. Однако, процессъ государственной организаціи совершался у славянъ очень медленно; они не были въ состояніи собственными силами выйти изъ своего племенного быта. Помочь въ этомъ славянамъ выпало на долю чуждому по происхожденію народу.

Появленіе и утвержденіе на югѣ отъ Дуная болгарской орды въ этомъ отношеніи должно быть признано наиболѣе важнымъ фактомъ въ исторіи славянъ VII вѣка. Данному вопросу академикъ Ѳ. И. Успенскій посвящаетъ особую главу въ I т. своего труда (VI гл. періода 3).

Вполнѣ уже прочнымъ моментомъ въ утвержденіи болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ было основаніе ими укрѣпленнаго аула въ мѣстности Абоба. Изъ этого становнища первые по времени болгарскіе ханы сносились съ византійскими царями; отсюда они производили свои набѣги въ различныя сосѣднія области здѣсь они проводили въ жизнь покоренныхъ ими славянскихъ племенъ принципы своей восточной военной организаціи. Абоба

такимъ образомъ и должна быть разсматриваема, какъ первый изъ извѣстныхъ намъ пунктовъ сложенія государственной жизни Балканскихъ славянъ. Академикъ Ѳ. И. Успенскій, благодаря которому наука обогатилась цѣннымъ археологическимъ матеріаломъ изъ Абобы, въ трудѣ своемъ ярко и рельефно рисуетъ роль и значеніе этого болгарскаго становища.

Представляя собою организованную военную силу, болгары, хотя и были по числу слабѣе славянскихъ племенъ, съ которыми имъ пришлось встрѣтиться за Дунаемъ, скоро получили надъ ними перевѣсъ, образовавъ сильное государство. Государство это чрезъ принятіе христіанства приобщилось къ европейской христіанской культурѣ и стало играть важную роль въ исторіи Византіи.

Въ исторіи Византіи почти все VIII столѣтіе и первая половина IX характеризуются общимъ терминомъ «періода иконоборческаго». Этотъ періодъ тѣсно связанъ съ именемъ Льва Исавра; главныя теченія его берутъ начало въ царствованіе этого императора и выражаются цѣлымъ рядомъ реформъ, намѣченныхъ въ это царствованіе. Въ дѣлѣ выясненія отношеній славянства къ Византіи реформы эти важны въ томъ смыслѣ, что онѣ опредѣлили на длинный рядъ лѣтъ необходимость въ законодательной дѣятельности считаться съ обычнымъ правомъ славянъ. Правительству имперіи необходимо было опредѣлить условія жизни этихъ новыхъ поселенцевъ въ имперіи и согласовать ихъ гражданское положеніе съ существующими въ имперіи законами. Славянская иммиграція принесла съ собой новыя правовыя воззрѣнія и чуждыя греко-римскому обществу формы земельного владѣнія. Все это и должно было ярко отразиться въ новомъ законодательствѣ. Вотъ почему при изученіи различныхъ юридическихъ актовъ имперіи славянскій элементъ долженъ быть принимаемъ во вниманіе. Это и дѣлается большинствомъ изслѣдователей крестьянскаго закона (т. II, стр. 60). Многочисленные списки этого закона на славянскомъ языкѣ, равно какъ и включеніе его въ древніе русскіе юридическіе сборники придаютъ ему важное значеніе въ вопросѣ культурнаго обмѣна между Византіей и славянами и обратно. Весьма возможно, что этого рода общеніе славянъ съ имперіей въ значительной мѣрѣ поднимало культурный уровень развитія ихъ и содѣйствовало

тому, что они въ свою очередь явились способными оказывать воздѣйствіе на различные варварскіе народы.

Занявшая провинцію Мизію болгарская орда несомнѣнно обнаруживала большую склонность къ расширенію на Балканскомъ полуостровѣ и къ усвоенію византійскаго военнаго искусства и византійской культуры (т. II, стр. 79). Этимъ, вѣроятно, мы должны объяснить замѣтное стремленіе болгарскихъ владѣтелей распространить свою власть на славянъ. Здѣсь нужно предполагать не одни только завоевательныя стремленія, но и поиски новыхъ формъ и условій жизни. Болгарскіе ханы и ихъ близкіе бояре не разъ мечтали о тѣсномъ единеніи съ Византіей, для чего и переходили даже цѣлыми семьями въ Византію и оставались здѣсь на болѣе или менѣе продолжительное время (т. II, стр. 85 и др.). Византійское правительство однако не особенно радовалось этому и не могло идти навстрѣчу стремленіямъ болгаръ, которые своими опустошительными набѣгами держали имперію въ опасности. Все это, однако, не остановило болгарскихъ хановъ въ ихъ движеніи по пути организаціи новой жизни. Они, сливаясь со славянами, которые своей культурностью могли способствовать ихъ замысламъ, своей внутренней и внѣшней политикой постепенно выдвигались на широкое поле государственной жизни. Все это опредѣленно обнаруживается къ началу IX вѣка и рѣзко выражается Крумомъ.

Въ характерѣ Крума намѣчается уже созидательная дѣятельность. Онъ уже является не предводителемъ кочевой орды, которая дѣлаетъ быстрые набѣги на культурныя сосѣднія области, беретъ жителей въ плѣнъ и поспѣшно отступаетъ, но стремится къ прочнымъ завоеваніямъ. **Ф. II. Успенскій** такого рода дѣятельность Крума иллюстрируетъ разсмотрѣніемъ его столкновеній съ имперіей (т. II, стр. 251 слѣд.) и дѣлаетъ выводъ, что онъ въ борьбѣ съ врагами пользуется уже всѣми средствами, какія давала тогдашняя военная наука. Для этого онъ находилъ возможнымъ привлекать къ себѣ на службу иностранцевъ и пользовался ихъ услугами въ обширныхъ размѣрахъ. Осада и взятіе Месемвріи, Адрианополя и Софін — это весьма серьезныя военныя дѣла, которыя нельзя было предпринимать безъ помощи техники. Авторъ съ полнымъ основаніемъ (т. II, стр. 262) признаетъ, что изумительныя военныя сооруженія въ Абоѣ и обшир-

ныя дворцовыя постройки, исполненныя съ соблюденіемъ плановъ и пропорцій греческими мастерами, относятся ко времени или Крума, или его сына Омортага.

Такимъ образомъ, складывавшееся на славянской основѣ болгарское государство уже въ началѣ IX вѣка было довольно значительной величиной. Съ нимъ имперія должна была считаться, какъ съ сильнымъ сосѣдомъ, отъ котораго можно было ожидать всякаго рода враждебныхъ выступленій и съ которымъ въ періоды мирныхъ перерывовъ нужно было соблюдать договорныя отношенія и соглашенія. Существенный интересъ всего этого составляетъ очень удачно отмѣченное академикомъ Θ. П. Успенскимъ постепенное проникновеніе къ болгарамъ культурныхъ обычаевъ и потребностей, вызываемыхъ осѣдлой жизнью. Таково (т. II, стр. 263) извѣстіе Теофана о переговорахъ Крума съ царемъ Михаиломъ I (811—815) на счетъ мира. Теофаномъ въ этомъ извѣстїи сообщены въ главныхъ чертахъ и статьи договора. Въ этомъ актѣ говорилось: 1) о границахъ, 2) о выдачѣ парадныхъ шелковыхъ одеждъ и тонкой красной кожи, 3) объ обмѣнѣ перебѣжчиками — военноплѣнными и политическими. Особенно любопытной статьей этого акта нужно признать ту, которой обусловливается, чтобы торговые люди съ той и другой стороны снабжались грамотами, скрѣпленными печатями; у тѣхъ, у которыхъ такихъ грамотъ не оказалось бы, товаръ долженъ конфисковаться. Всѣ эти отношенія обычно характеризуютъ договаривающіяся стороны, какъ стороны культурныя.

Характеръ и степень перехода болгаръ къ культурной жизни опредѣляется также фактомъ появленія законовъ Крума. О законахъ этихъ мы, какъ извѣстно, узнаемъ изъ сообщенія Свиды подъ словомъ «Болгары». Здѣсь статья о законахъ изложена въ такой формѣ: «Спрашивалъ Крумъ аварскихъ плѣнниковъ: какъ думаете, отчего погибъ и ханъ вашъ весь народъ? Они же отвѣтили, что у нихъ участились возводимыя другъ на друга обвиненія, что погибли тѣ, у кого было больше храбрости и ума; затѣмъ, безчестные и воры получили вліяніе въ судахъ; далѣе распространилось пьянство; когда стали заниматься винодѣліемъ, всѣ начали упиваться виномъ. Наконецъ, взяточничество и торговля. Всѣ сдѣлались купцами и начали обманывать другъ друга. Отъ этого и постигла насъ бѣдственная

участь». Крумъ сумѣлъ оцѣнить эти показанія о причинахъ бѣдствій и издалъ законы: неправыхъ обвинителей казнить, жестоко наказывать воровъ, истребить всѣ виноградники, бѣдныхъ обезпечить» ¹⁾).

Эта дѣятельность Крума несомнѣнно должна уже была положить прочныя основанія болгарскаго государства, которое въ основѣ своей въ качествѣ массоваго элемента имѣло славянство. Завершеніе сліянія болгаръ съ славянскими племенами произошло однако нѣсколько позже, именно при ханѣ Омортагѣ или Мортагонѣ. Пользуясь (т. II, стр. 263 и слѣд.) показаніями Теофана и Генесія, а также данными находокъ въ Абобѣ ²⁾, о которой я уже упоминалъ, авторъ даетъ весьма опредѣленную характеристику дѣятельности Омортага, какъ правителя, установившаго опредѣленныя отношенія къ имперіи и тѣмъ давшаго своему государству возможность собрать силы для созидательной работы. Главнымъ дѣломъ его было заключеніе тридцатилѣтняго мира съ Византіей. Этимъ миромъ разрѣшались давніе споры между имперіей и Болгаріей и на продолжительное время устанавливались добрососѣдскія отношенія, длившіяся почти до обращенія Болгаріи въ христіанство.

Прекративъ распри съ Византіей, Омортагъ могъ обратить все свое вниманіе на западную окраину славянскаго міра, гдѣ его завоеванія шли на счетъ ослабѣвшаго аварскаго царства и, по всей вѣроятности, направлялись противъ распространенія франкскаго господства на Дунаѣ и Савѣ. Найденные при раскопкахъ въ Абобѣ обломки надписей даютъ полную возможность говорить о распространеніи власти Омортага въ различныхъ направленіяхъ. Изъ нихъ мы узнаемъ о походѣ его за Тиссу, они намъ говорятъ о движеніи болгаръ на сѣверъ отъ Дуная. Весьма возможно допустить, что въ сферу вліянія Омортага входили здѣсь Молдавія, Валахія и южная Россія, гдѣ при переправѣ черезъ Днѣпръ утонулъ одинъ изъ его героев. Весьма

¹⁾ Академикъ Ѡ. И. Успенскій (т. II, стр. 266) приводитъ законы Крума въ полномъ переводѣ и замѣчаетъ, что значеніе ихъ должно опредѣляться сравненіемъ съ древними законодательствами—съ германскими правдами и Русскою правдой.

²⁾ Объ общемъ значеніи раскопокъ акад. Ѡ. И. Успенскаго въ этой мѣстности см. мою статью въ *Ж. М. Нар. Просв.* 1907 г., № 10.

важнымъ въ смыслѣ упроченія болгарскаго могущества является фактъ построенія Омортагомъ новой столицы на рѣкѣ Камчин. Переносъ столицу на югъ, въ центръ, который впоследствии получилъ имя Преславы, Омортагъ укрѣплялся у подошвы Балканскихъ горъ, откуда легче можно было слѣдить за горными проходами, т. е. за путями сообщенія его царства съ имперіей.

Вторая половина IX вѣка, въ которой завершились указанныя выше событія въ жизни славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, открывається новыми перспективами на Западѣ. Въ то время, какъ имперія Каролинговъ поставила себѣ задачей расширить предѣлы культурной и церковной миссіи на восточную Европу и неизбежно столкнулась здѣсь съ притязаніями, а частью и съ бесспорными правами Константинопольскаго патріархата, въ этомъ послѣднемъ не могла не созрѣть мысль о подготовкѣ средствъ для борьбы съ побѣдоноснымъ движеніемъ на востокъ Европы Каролингской имперіи и латинской церкви. Византійская имперія для достиженія этой цѣли должна была пустить въ оборотъ тѣ же средства, какими западная имперія и латинская церковь располагали для привлеченія къ себѣ новыхъ подданныхъ.

Средствами этими академикъ О. И. Успенскій (т. II, стр. 364) считаетъ христіанскую миссію.

Въ дѣлѣ миссіонерской пропаганды вниманіе обѣихъ имперій особенно могъ привлечь славянскій юго-востокъ Европы. Часть жившихъ здѣсь славянъ, именно тѣ изъ нихъ, которые, составляя восточную марку, были извѣстны подъ именемъ моравскихъ славянъ, подвержены уже были прочной и систематической германизациі и латинскому вліянію.

Германизациія направлялась изъ сосѣдней Баваріи, а латинская церковь имѣла свой опорный пунктъ въ Зальцбургѣ и Пассау, а потому, въ виду этой близости исходныхъ пунктовъ главныхъ дѣятелей этого вліянія, національная исторія моравскаго княжества подвергалась большой опасности со стороны нѣмецкаго преобладанія. Все это должно было вынудить моравскаго князя Ростислава принять энергичныя и рѣшительныя мѣры къ завоеванію церковной независимости и къ образованію народной церкви на совершенно новыхъ началахъ.

Сосредоточивъ все вниманіе на защитѣ своего княжества и возведеніи городовъ и укрѣпленій, какъ Дѣвинъ, Велеградъ и пограничныя укрѣпленія 'Зноимъ, Градецъ, Подивинъ и др.. Ростиславъ вошелъ 'въ соглашеніе съ сосѣдними славянскими странами, одинаково тѣсными со стороны франковъ, именно съ Болгаріей и Чехіей, чѣмъ и подготовилъ значительную преграду для нѣмецкаго движенія на востокъ, въ предѣлы культурнаго вліянія Византійской имперіи.

Византія была болѣе, чѣмъ Западъ, знакома со славянами, она близко знала ихъ нравы и обычаи; она должна была гораздо либеральнѣе относиться къ идеямъ политической и церковной независимости славянъ, особенно если дѣло касалось тѣхъ славянъ, которые были за чертой непосредственныхъ владѣній имперіи.

Въ силу всего этого Ростиславу въ борьбѣ съ нѣмецкими королями естественно было искать поддержки и помощи со стороны Византіи, которая, въ цѣляхъ положить предѣлъ притязаніямъ Запада, не могла оставить безъ вниманія это обращеніе Ростислава. Въ Византійской имперіи прекрасно понимали, что для сохраненія престижа и авторитета необходимо реально вступить въ соревнованіе съ Западомъ въ дѣлѣ культурнаго воздѣйствія на племена, жившія въ оспариваемой Римомъ и Византіей области. Эти положенія необходимо признать исходными въ вопросѣ о миссіи свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія на призывъ Ростислава.

На жизни и трудахъ свв. братьевъ до момента отправленія ихъ въ Моравію академикъ Ѳ. И. Успенскій останавливается съ большимъ вниманіемъ.

Въ посвященной этимъ вопросамъ главѣ ¹⁾ авторъ анализируетъ извѣстія о миссіи къ сарацинамъ и къ хазарамъ. Анализъ этотъ является особенно любопытнымъ по сдѣланной здѣсь постановкѣ многихъ очень важныхъ вопросовъ относительно подготовленія свв. братьевъ къ основному подвигу, т. е. къ миссіи среди славянъ. Миссія къ сарацинамъ и хазарамъ дѣйствительно была подготовительной стадіей, имѣвшей значеніе въ томъ отношеніи, что сообщила Константину (Кириллу) практическій

¹⁾ Т. II, отд. V, гл. II (стр. 388—408).

опытъ и знаніе иностранныхъ языковъ, благодаря его личному обращенію съ чужеземными народами.

Во время проповѣдическихъ трудовъ среди этихъ народовъ у св. Кирилла должно было въ полной мѣрѣ окрѣпнуть то отношеніе къ дѣлу распространенія вѣры христіанской, выразителемъ котораго въ данное время въ Византіи былъ патріархъ Фотій. Фотій оцѣнилъ значеніе этнографическаго переворота, происшедшаго въ имперіи, и призналъ за всѣми варварскими народами право на христіанское и культурное наслѣдіе. Во исполненіе этого принципа и была организована на защиту попраемыхъ національныхъ правъ моравскихъ славянъ миссія согласно обращенію къ имперіи князя Ростислава.

Появленіе свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія въ той части Европы, на церковное вліяніе въ которой папа имѣлъ полное право разсчитывать, ихъ проповѣдь здѣсь на славянскомъ языкѣ, который западнымъ духовенствомъ не признавался достойнымъ для совершенія богослуженія и перевода св. писанія, — все это факты, которые должны быть признаваемы, какъ моменты весьма важной и цѣнной побѣды Византіи, желавшей силой своей культурной миссіи остановить приближающееся къ ея границамъ вліяніе Рима. Констатируя этотъ фактъ побѣды Византіи въ обострившемся спорѣ съ Римомъ по дѣламъ церкви мы должны замѣтить, что успѣхъ даннаго момента не могъ не вызвать византійскихъ іерарховъ къ дальнѣйшимъ стремленіямъ въ томъ же направленіи. Съ этой точки зрѣнія нужно разсматривать и возникшій въ данное время вопросъ о церковномъ вліяніи въ Болгаріи.

Вопросомъ о принятіи христіанства Борисомъ живо интересовались и на Западѣ и на Востокѣ: мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что и греческое и латинское духовенство всѣми силами старались прямо или косвенно вліять въ этомъ отношеніи на болгарскаго князя, который уже ясно и опредѣленно сознавалъ необходимость для Болгаріи перехода въ лоно церкви христіанской. Папа Николай въ маѣ 864 г. говоритъ объ этомъ, какъ о событіи подготовляющемся, и надѣется, что обращеніе будетъ дѣломъ нѣмецкаго или римскаго духовенства. Обращеніе Болгаріи въ христіанство и происходитъ именно въ это время

(864—865), но при непосредственномъ участіи греческаго духовенства, а слѣдовательно патріарха Фотія.

О ближайшей исторической обстановкѣ этого событія нѣтъ, какъ замѣчаетъ акад. Ф. П. Успенскій (т. II, 458), современнѣхъ византійскихъ извѣстій, за исключеніемъ окружнаго посланія Фотія къ іерархамъ восточной церкви и намековъ на то, что крещеніе совершалъ посланный изъ столицы епископъ. Патріархъ Фотій не имѣлъ достаточно времени войти въ подробности церковной организаціи Болгаріи и опредѣлить отношеніе ея къ патріархату, вслѣдствіе чего возникли недоразумѣнія, весьма осложнившія это дѣло.

Болгарскій князь, признавая христіанство господствующею религіею, долженъ былъ вести ожесточенную борьбу съ языческой партіей, онъ долженъ былъ устранить массу затрудненій для того, чтобы приучить народъ къ новой вѣрѣ, а между тѣмъ какой-либо реальной помощи изъ Византіи и поддержки онъ не имѣлъ. Извѣстное посланіе Фотія къ новообращенному князю мало могло соответствовать запросамъ его. Фотій обращается къ Борису, какъ къ своему духовному сыну, шлетъ ему рядъ нравственныхъ наставленій, но, повидимому, не отправилъ къ нему достаточно числа лицъ духовнаго званія и не закрѣпилъ за патріархатомъ вліянія въ новообращенной странѣ.

Несомнѣнно, что этими всеми обстоятельствами папа очень интересовался и, конечно, использовалъ ихъ въ дѣлѣ обращенія къ нему болгарскаго князя за разрѣшеніемъ возникшихъ въ Болгаріи церковныхъ и религіозныхъ затрудненій и недоумѣній. Бориса - Михаила въ это время занималъ не внѣшній только фактъ — устройство независимаго патріархата и устраненіе на будущее время вліянія со стороны имперіи, а цѣлый рядъ административныхъ, юридическихъ и бытовыхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ онъ просилъ у папы. Объ этомъ и свидѣтельствуетъ весьма важный въ исторіи Болгаріи памятникъ «*Responsa ad consulta Bulgarorum*».

Обсужденіе папой болгарскихъ церковныхъ дѣлъ, выясненіе запросовъ болгарскаго народа совпадаютъ съ фактомъ изданія патріархомъ Фотіемъ извѣстнаго окружнаго посланія. Это одновременное (866 г.) выступленіе Рима и Византіи должно быть признано весьма напряженнымъ моментомъ взаимнаго спора,

такъ какъ успѣхъ долженъ былъ бы для одной изъ сторонъ дать побѣду и обезпечить продолженіе вліянія въ дѣлахъ церкви.

Римское посольство, имѣвшее во главѣ епископовъ и получившее отъ папы полномочіе организовать въ Болгаріи церковное устройство согласно желанію Бориса-Михаила, отправилось изъ Рима въ концѣ 866 года, т. е. тогда, когда уже въ Римѣ, вѣроятно, знали содержаніе окружного посланія Фотія къ восточнымъ патріархамъ о болгарскомъ дѣлѣ. Ближайшія событія и должны были опредѣлить, на чьей сторонѣ успѣхъ и побѣда.

Латинское духовенство съ епископомъ Павломъ и Формозомъ приступило къ выполненію задачъ, какія были указаны ему папой Николаемъ. Греческое духовенство изъ Болгаріи было изгнано и, повидимому, внѣшнимъ образомъ было установлено полное согласіе между княземъ и латинскими епископами. Но Борису-Михаилу этого было мало; онъ хотѣлъ пышнаго и авторитетнаго устройства своей церкви, но настойчивыя представленія князя о посвященіи архіепископомъ Болгаріи угоднаго ему лица (Формоза или Мартина) не находили благопріятнаго приема у папы. Все это охладило довѣріе болгарскаго князя къ Риму и заставило его подумать о другихъ средствахъ для достиженія задуманной цѣли.

Акад. Ѳ. П. Успенскій въполнѣ основательно высказываетъ мысль, что греческое духовенство и византійское правительство не теряли надеждъ на болѣе благопріятное разрѣшеніе болгарскаго церковнаго вопроса въ единеніи съ патріархатомъ. Были, конечно, принимаемы мѣры къ тому, чтобы князь Борис-Михаиль возможно прочнѣе укрѣплялся во мнѣніи, что для Болгаріи лучше оставаться въ согласіи съ имперіей, съ которой было гораздо больше общихъ точекъ соприкосновенія, чѣмъ съ Западомъ. Почетный приемъ въ Константинополѣ на соборѣ 870 г. болгарскаго посольства, умѣлое веденіе обсужденія вопроса, какой церкви должна подчиняться Болгарія, — все это должно было явиться для князя Бориса-Михаила яснымъ подтвержденіемъ правоты Византійской имперіи въ данномъ дѣлѣ. На соборѣ 870 г. вопросъ о Болгаріи былъ рѣшенъ, какъ извѣстно, въ пользу патріархата. Князь Борисъ этимъ рѣшеніемъ удовлетворился, и Болгарія съ этого момента освободилась отъ латинскаго вліянія, получивъ самостоятельное церковное устройство

подъ управленіемъ своего, поставленнаго патріархатомъ, архіепископа. Изложенное выше рѣшеніе болгарскаго церковнаго вопроса не могло не вызвать папскій престолъ на размышленія вообще по поводу церковнаго вліянія на славянъ и на ихъ просвѣщеніе. Одновременно съ рѣшеніемъ вопроса о церковномъ устройствѣ Болгаріи папѣ необходимо было установить опредѣленное отношеніе къ миссіонерской дѣятельности свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Въ 867 г. папа Николай I пригласилъ въ Римъ свв. братьевъ, которые туда прибыли уже въ 868 году, когда папскій тронъ занималъ Адріанъ II, обсуждавшій, какъ извѣстно, и вопросъ о Болгаріи. Событія въ Болгаріи и въ Константинополѣ въ періодъ 868—870 гг. были таковы, что папѣ отрицательнымъ отношеніемъ къ свв. Константину и Меѳодію представлялась, какъ говоритъ авторъ (т. II, стр. 433), полная возможность нанести отвѣтныи ударъ Константинопольскому патріарху. На самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно обратное. Въ Римѣ славянскихъ проповѣдниковъ встрѣтили съ чрезвычайной торжественностью; церковный авторитетъ за переводомъ священныхъ книгъ на славянскій языкъ былъ признанъ возложеніемъ ихъ на алтарь въ церкви св. Маріи, въ благопріятномъ для славянъ смыслѣ разрѣшенъ былъ и вопросъ объ употребленіи ихъ національнаго языка въ богослуженіи.

Ө. И. Успенскій (т. II, стр. 427) замѣчаетъ, что для римской церкви и всего латинскаго духовенства весьма знаменательнымъ фактомъ была святыня, съ которою прибыли свв. братья, именно мощи св. Климента, но вмѣстѣ съ этимъ признаетъ, что этого едва-ли было достаточно, чтобы папа Адріанъ II такъ легко и свободно разрѣшилъ въ пользу свв. Константина и Меѳодія указанные выше весьма важные каноническіе вопросы. Если мы припомнимъ, что Меѳодію пожалованъ былъ высшій церковный санъ архіепископа Моравіи и Панноніи, то необходимо въ такомъ отношеніи папскаго престола къ миссіонерскому подвигу первоучителей славянскихъ видѣть результатъ чрезвычайно серьезныхъ и важныхъ соображеній. «Миссіонерская дѣятельность Константина и Меѳодія въ Моравіи, говоритъ авторъ (т. II, стр. 430), наносила большой ущербъ притязаніямъ Западной имперіи на распространеніе ея вліянія въ юго-восточной Европѣ, а равно

папської церкви; римській єпископъ въ цѣлихъ противодѣйствія Константинопольскому патріархату принужденъ былъ не только признати совершившійся фактъ, но и воспользоваться употребленнымъ противъ него оружіемъ, т. е. славянскимъ языкомъ въ богослуженіи, противъ Восточной церкви и патріархата».

Со времени вступленія солунскихъ братьевъ въ сношенія съ Римомъ начатое ими дѣло становилось вслѣдствіе благожелательнаго къ нему отношенія римскаго престола предпріятіемъ собственно римской или, во всякомъ случаѣ, западной церкви. Своей благожелательностью къ подвигу свв. братьевъ римскій престолъ могъ надѣяться снискать себѣ преданность тѣхъ славянъ, которые уходили изъ вѣдѣнія западной церкви, благодаря энергичному участию византійскаго патріархата въ дѣлѣ просвѣщенія ихъ христіанствомъ. Въ 870 году паннонскій князь Коцель обратился къ папѣ съ просьбой прислать ему Меодія для проповѣди и для устройства богослуженія на славянскомъ языкѣ. Папа, какъ извѣстно, не только изъявилъ свое согласіе на это, но даже удовлетворилъ настоятельное ходатайство Коцеля о возведеніи Меодія въ такой санъ, который бы давалъ ему каноническое право самостоятельно управлять всей областью Коцеля. Результатомъ этого и было посвященіе Меодія въ архієпископы Моравіи и Панноніи.

Эти акты исключительной важности относятся къ тому именно времени, когда въ Византійской имперіи торжествовали побѣду разрѣшеніемъ болгарскаго церковнаго вопроса и окончательно выясняли, благодаря энцикликъ Фотія, вопросъ о заслугахъ восточной церкви въ дѣлѣ христіанской миссіи между славянскими народами.

Римская церковь созданиємъ архієпископской кафедры въ области заселенной славянами въ Моравіи и Панноніи должна была гордиться; она окончательно присваивала себѣ плоды великаго подвига свв. славянскихъ первоучителей и тѣмъ, конечно, наносила чувствительное пораженіе притязаніямъ константинопольскаго патріархата, такъ какъ ограничивала на западѣ предѣлы сферы вліянія Византіи.

Вопросу объ организаціи архієпископіи св. Меодія авторъ удѣляетъ много вниманія и детально анализируетъ всѣ тѣ акты, которые могутъ выяснить положеніе его на этомъ важномъ и

высокомъ посту. Картина подвига св. Меѳодія на фонѣ политическихъ событій въ Моравіи и Панноніи, а также ихъ отношеній къ западнымъ сосѣдямъ вырисовывается ярко и опредѣленно. Участіе св. Меѳодія въ дѣлѣ укрѣпленія національной славянской церкви по существу могло быть признаваемо поставленнымъ на прочныхъ основаніяхъ. Папская власть неоднократно оказывала ему поддержку въ чрезвычайно трудные и тяжелые моменты; очень можетъ быть, что причина этихъ отношеній была исключительно характера политическаго, но во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ папы св. Меѳодій могъ нѣкоторое время черпать для себя силы для борьбы. Несмотря, однако, на все это, конецъ дѣла свв. братьевъ въ Моравіи и Панноніи былъ очень печальный. Послѣдній періодъ дѣятельности св. Меѳодія былъ омраченъ сознаніемъ критическаго положенія, въ какомъ находилась славянская церковь. «Архіепископъ Меѳодій, замѣчаетъ Ѳ. И. Успенскій (т. II, 524), не могъ не сознавать, что все дѣло его жизни подвергается крайнему колебанію, что враждебныя силы подкопались подъ выведенное имъ зданіе и готовы разрушить его». Опасенія эти вполне оправдались, какъ извѣстно, событіями, послѣдовавшими въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія и заставившими учениковъ его покинуть область, гдѣ онъ создавалъ великое славянское дѣло.

Причины всего этого нужно видѣть во взглядахъ Святополка на кирилло-меѳодіевское дѣло и въ его отношеніяхъ къ задачѣ, которая была поставлена ему, какъ правителю очень значительной славянской государственной единицы. Этотъ вопросъ акад. Ѳ. И. Успенскимъ поставленъ и выясненъ вполне опредѣленно (т. II, стр. 527 и др.).

На первыхъ порахъ цѣли князя и архіепископа, казалось, вполне совпадали; для того и другого важно было создать въ Моравіи оплотъ національной моравской церкви съ народнымъ языкомъ въ богослуженіи и съ національнымъ духовенствомъ. При полномъ единодушіи и довѣрїи между княземъ и архіепископомъ обезпеченъ былъ широкій успѣхъ политической и церковной миссіи. Святополкъ былъ безспорно весьма даровитый и умный дѣятель, который умѣлъ понять свои выгоды и найти средства для достиженія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Но свою личную власть онъ ставилъ выше національнаго дѣла и мало

останавливался предъ средствами для достиженія личныхъ цѣлей. Вслѣдствіе давнихъ и близкихъ сношеній съ западными сосѣдями, у которыхъ онъ даже и жилъ нѣкоторое время и которымъ выдалъ своего дядю Ростислава, Святополкъ долженъ быть причисленъ къ людямъ, лишеннымъ національной почвы: едва-ли онъ придавалъ значеніе славянскому языку въ богослуженіи и едва-ли видѣлъ въ греческомъ обрядѣ средство къ завоюванію славянами національной и политической самостоятельности. Быть же заслономъ Восточной имперіи и патриархата противъ франкской державы и латинской церкви онъ не желалъ и не видѣлъ въ этомъ настоятельной необходимости. По всей вѣроятности, Меѳодій былъ тяжелъ для Святополка своей принципиальностью и прямолинейностью и не могъ получить надъ нимъ преобладающаго вліянія. Первое время, по прибытіи въ Моравію, онъ постарался очистить страну отъ нѣмецкаго духовенства и назначить на церковныя должности людей своего собственнаго постриженія и изъ своихъ учениковъ. Съ теченіемъ времени, однако, при безразличіи князя къ вопросамъ культа, нѣмецкое духовенство снова проникло въ Моравію, нашло доступъ ко двору и вошло въ довѣріе князя. Приведенная *Θ. И. Успенскимъ* выписка изъ «*Vita s. Clementis*» прекрасно подтверждаетъ такого рода обобщенія о политикѣ Святополка:... «Святополка, человѣка грубаго и невѣжественнаго, обошедши коварствомъ, сдѣлали они (т. е. нѣмецкое духовенство) всецѣло участникомъ своего ученія. Да и какъ онъ, рабъ женскихъ удовольствій, не внималъ бы больше имъ, чѣмъ Меѳодію, который отмѣчалъ гибельное для души зло въ каждомъ удовольствіи... Святополкъ, развращенный ими, вовсе не обращалъ вниманія на Меѳодія и даже враждебно относился къ нему. И чего не говорилъ ему съ лаской, какими угрозами не устрашалъ его великій». Такъ говоритъ о положеніи дѣла въ Моравіи жизнеописатель Климента. Положеніе славянской партіи и славянскаго дѣла въ Моравіи оказалось совершенно невозможнымъ. Все это есть результатъ политики Святополка, который оправданій не заслуживаетъ ¹⁾.

¹⁾ Акад. *Θ. И. Успенскій* (т. II, стр. 682) очень опредѣленно опровергаетъ выводы *Брикнера*, который путемъ рѣзкой критики основныхъ источниковъ по кирилло-меѳодіевскому вопросу приходитъ къ полному оправданію «великаго Святополка».

Несмотря, однако, на крушеніе кирилло-меѳодіевскаго дѣла, въ Моравіи, національная основа его не погибла. Ученики св. Меѳодія ушли въ Болгарію, гдѣ и нашли для своего труда подходящую почву.

Блистательная эпоха болгарскаго царя Симеона породила новую политическую идею, идею господства въ Константинополѣ и устраненія гегемоніи грековъ на Балканскомъ полуостровѣ. Симеонъ къ своей задачѣ воплощенія этой идеи отнесся съ искренней сердечностью, хотя его положеніе въ виду постоянныхъ угрозъ со стороны Византійской имперіи нѣсколько напоминаетъ положеніе Святополка.

Ө. И. Успенскій (т. II, стр. 689) признаетъ съ національной точки зрѣнія рядъ чертъ сходства между моравскимъ Святополкомъ и болгарскимъ Симеономъ. Оба должны быть названы передовыми людьми того времени, оба получили иностранное воспитаніе и имѣли связи среди иноземцевъ,—одинъ на западѣ между нѣмцами, другой на востокѣ между греками. Но въ индивидуальномъ характерѣ между ними большая разница. Въ то время, какъ моравскій князь представляетъ собой типъ теоретика, преклонявшагося передъ западной образованностью, и идеалиста фантазера, пренебрегавшаго насущными интересами и нуждами своего народа, болгарскій князь воспользовался полученнымъ въ Константинополѣ образованіемъ съ единственной цѣлью—приблизить свой народъ къ политическимъ и церковнымъ формамъ имперіи, вести его къ преобладанію надъ греками на Балканскомъ полуостровѣ и къ устройству въ Болгаріи просвѣтительной школы, которая приняла на себя задачу продолженія культурной миссіи между славянами, такъ трагически прерванной со смертію Меѳодія. Хотя въ послѣдующей исторической эволюціи Болгаріи обошлась очень дорого ея тенденція стать на мѣсто имперіи, такъ какъ Византія, обладая матеріальными и духовными средствами, накопленными въ теченіе многихъ вѣковъ, жестоко отомстила ей за временное торжество, тѣмъ не менѣе съ вѣкомъ Симеона соединяется представленіе о такомъ подъемѣ литературной производительности, который производитъ чарующее впечатлѣніе на историка. Если политическая тенденція Симеона оказалась для того времени безплодной, то культурная дѣятельность учениковъ славянскихъ перво-

учителей, нашедшая въ Болгаріи благопріятныя условія для своего развитія и распространенія въ другія страны, обезпечиваетъ за княженіемъ Симеона большое значеніе въ славянской исторіи и ставитъ его имя гораздо выше современниковъ.

Съ точки зрѣнія всемірной исторіи данный въ IX в. толчокъ славянамъ посредствомъ изобрѣтенія славянской азбуки, просвѣщенія большинства ихъ христіанствомъ и организациі національной церкви съ допущеніемъ славянскаго языка въ совершеніи литургіи—могъ бы оказаться совершенно не достигшимъ цѣли, если бы послѣ паденія моравскаго княжества завѣты свв. братьевъ не были сохранены ихъ ближайшими учениками и если бы не установилось преемственности между мораво-паннонской архіепископіей и новой организаціей церкви въ Болгаріи.

При Симеонѣ именно Болгарія выступаетъ какъ соперница имперіи на Балканскомъ полуостровѣ; тогда вполне ясно и опредѣленно былъ поставленъ вопросъ о невозможности согласовать интересы грековъ и славянъ и о необходимости одному изъ этихъ народовъ поступиться въ пользу другого. Въ расцвѣтѣ культурной работы въ Болгаріи во время Симеона, въ его мѣропріятіяхъ по церковному вопросу и, наконецъ, въ его личной перепискѣ рѣзко обозначаются планы и думы, занимавшіе этого перваго, какъ замѣчаетъ авторъ, культурнаго болгарина, не утратившаго съ усвоеніемъ иноземнаго образованія реальныхъ взглядовъ на жизнь своихъ предшественниковъ Крума и Омортага. При жизни Льва Симеонъ еще не ставитъ круто своихъ требованій, но затѣмъ, когда престоль перешелъ къ брату Льва Александру, а черезъ годъ къ малолѣтнему сыну Льва Константину, — для болгарскаго князя открылась возможность мечтать объ имперіи и о царскомъ титулѣ и съ пренебреженіемъ относиться къ византійскому правительству.

Политика Симеона по отношенію къ Византіи отличалась опредѣленностью и выражалась въ очень ясно поставленныхъ реальныхъ фактахъ. Мы, конечно, не можемъ сказать, привела ли бы она къ желательнымъ для него результатамъ, дала ли бы она Болгаріи то превосходство надъ имперіей, о которомъ мечталъ Симеонъ, но можно съ полной увѣренностью утверждать, что имперія, приглядѣвшись къ политикѣ Симеона и вдумавшись въ его настойчивость, должна была прійти къ очень тревожнымъ выводамъ.

Правительство Византіи не могло не сознать, что въ лицѣ Болгаріи имѣеть очень опаснаго сосѣда, способнаго нанести ей большой уронъ и даже пораженіе. Отсюда и несомнѣнное заключеніе, что Болгарія должна быть не только ослаблена, но по возможности обезсилена и даже совсѣмъ уничтожена. Для достиженія этого Византійская имперія и стала ^{всѣмъ тѣмъ} пользоваться тѣмъ ходомъ, который получилъ государственный организмъ Болгаріи послѣ смерти Симеона.

Симеону наслѣдовалъ его сынъ Петръ, обыкновенно признаваемый челоукомъ слабовольнымъ, ищущимъ монашескаго уединенія и аскетическаго подвига. Уже это одно обстоятельство могло послужить причиной перемѣны политики Болгаріи; были однако и болѣе серіозныя причины для этого.

Лѣтописецъ ¹⁾ сообщаетъ намъ, что «по смерти Симеона окрестныя народы, хорваты, угры и другіе рѣшились воевать съ болгарамъ; и такъ какъ болгарская страна была поражена сильнымъ голодомъ, то болгары находились въ большомъ страхѣ передъ нашествіемъ со стороны другихъ народовъ, а въ особенноти боялись нападенія со стороны Византіи». Изъ этого положенія былъ одинъ выходъ, которымъ правительство немедленно и воспользовалось. Этотъ выходъ представлялся въ тѣсномъ сближеніи съ имперіей и въ устраненіи тѣхъ затрудненій, которыя доселѣ дѣлали невозможнымъ сосѣдское сожителство Болгаріи и Византіи. Болгарское правительство, несмотря на протесты нѣкоторыхъ приверженцевъ умершаго царя, стало искать прочнаго мира съ Византійей. Византія пошла навстрѣчу исканіямъ Болгаріи. Она желала обезвредить свою безпокойную сосѣдку. Всѣмъ этимъ и слѣдуетъ объяснять бракъ царя Петра съ Маріей, внучкой Романа Лакапина, а также и рядъ внѣшнихъ признаковъ вниманія со стороны византійскаго правительства по отношенію къ болгарамъ. «Друзья болгары», замѣчаетъ академикъ Ѳ. П. Успенскій (т. II, стр. 783), «съ тѣхъ поръ пользовались всяческими преимуществами въ имперіи».

Заключенный при такихъ обстоятельствахъ въ 927 году миръ между Болгаріей и имперіей, конечно, могъ бы обезпечить Болгаріи такого рода политическія условія, при которыхъ ей

¹⁾ Ср. ак. Ѳ. П. Успенскаго т. II, стр. 779.

безъ особаго труда удалось бы окрѣпнуть для государственной жизни. Но достигнуть этого Болгаріи въ данное время мѣшали сильно ослаблявшія ее внутреннія броженія, приведшія царство даже къ раздѣленію на двѣ половины—на восточную и западную—и давшія возможность появиться новой династіи Шишмана.

Такого рода факты авторъ (т. II, 769) объясняетъ географическими и этнографическими условіями образованія Симеоновой державы, которая не успѣла слить въ одно цѣлое съ болгарами разнообразныя народныя элементы, стремившіеся къ обособленію и автономности. Весьма вредно для государственнаго организма должно было сказываться и распространеніе богомилства, несомнѣнно отличавшагося всѣми качествами противогосударственной и противоцерковной системы. Естественно, что все это было зародышемъ разложенія Болгарскаго царства, которое не имѣло ни въ церкви своей, ни въ высшихъ классахъ противодѣйствія всему этому. Болгарское государство должно было подготавливаться къ громаднымъ потрясеніямъ, для которыхъ всегда могъ явиться поводъ.

Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія, что Византія была хорошо освѣдомлена о всемъ, что дѣлалось въ Болгаріи; она все это знала, и все это учитывала въ интересахъ своей безопасности. Акад. Θ. П. Успенскій (т. II, стр. 860) замѣчаетъ, что трудно выяснитъ, насколько Византія въ это время «работала» надъ разложеніемъ могущества Болгарскаго царства.

Разсматривая причины, вызвавшія катастрофу въ судьбѣ Болгаріи, авторъ признаетъ за походами Святослава такое же рѣшительное значеніе для восточной половины Болгарскаго царства, какъ опустошительная война Василія II Болгаробойцы для западной. Однако походы Святослава были несомнѣннымъ результатомъ политики Византіи, которая, какъ сообщаетъ Левъ Діаконъ, уполномочила Калокира отправиться къ «руссамъ», чтобы путемъ подкупа склонить ихъ явиться въ землю болгаръ «для ея завоеванія». Походы Святослава произвели полный разгромъ въ сѣверо-восточной половинѣ Болгарскаго царства, ослабили власть болгарской династіи и возбудили притязанія на власть среди туземныхъ элементовъ, не вполне еще слившихся съ завоевательной ордой. «Съ общеисторической точки зрѣнія это обстоятель-

ство имѣло громадныя послѣдствія въ судьбахъ Болгаріи; между прочимъ, въ немъ лежитъ причина успленія греческаго элемента на счетъ славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, которымъ такъ послѣдовательно и съ неумолимой суровостью воспользовался царь Василій Болгаробойца».

Такъ оцѣниваетъ акад. Ѡ. И. Успенскій (т. II, 868) результаты Византійской «работы»—походы русскаго Святослава въ Болгарію.

Съ полнымъ разгромомъ восточной половины болгарскаго царства Византія, однако, не могла считаться какъ съ фактомъ, который окончательно обезпечивалъ ее отъ угрозъ со стороны Болгаріи. Опасность эта несомнѣнно въ Византіи сознавалась. Это видно изъ того, что императоръ Василій, освободившись въ теченіе перваго десятилѣтія своего царствованія отъ тревогъ и волненій за цѣлость имперіи, все свое вниманіе сосредоточилъ на войнѣ съ Самуиломъ.

Авторъ (т. II, 945) не соглашается съ тѣми, которые относятся съ пренебреженіемъ къ Самуилу и его державѣ. На основаніи археологическаго матеріала, добытаго въ центрѣ державы, образованной Самуиломъ, онъ считаетъ возможнымъ дать такую оцѣнку всему этому, что не приходится удивляться тому, что Самуиль былъ въ состояніи выдержать болѣе чѣмъ 20-ти лѣтнюю борьбу съ имперіей, обладавшей всѣми матеріальными средствами самага сильнаго и самага культурнаго въ то время государства.

Самуиль главныя средства для борьбы заимствовалъ изъ западныхъ частей Балканскаго полуострова и опирался на этнографическіе элементы, которые удалось ему соединить въ сильно связанныя группы, обладавшія опредѣленными политическими тенденціями. Самуиль настойчиво объявлялъ притязанія на царскую власть, а потому съ исключительнымъ упорствомъ велъ свое наступленіе въ предѣлы имперіи. Императоръ не разъ наносилъ ему тяжкія пораженія, но Самуиль находилъ новыя силы для борьбы, которая съ упорствомъ велась и его преемниками до 1018 года, когда Василію удалось одержать окончательную побѣду.

Разсматривая причины паденія Болгаріи, акад. Ѡ. И. Успенскій замѣчаетъ ¹⁾: «Прежде чѣмъ нетерпимый и притязательный

¹⁾ Т. II, стр. 858.

эллинизмъ не былъ самъ приниженъ и въ конецъ ослабленъ мусульманскимъ завоеваніемъ, на Балканскомъ полуостровѣ дѣлили господство греки и славяне. Разсматривая взаимныя отношенія имперіи и славянства въ IX и X вв., не можемъ признать, что ходъ событій былъ благопріятенъ для вновь складывавшихся политическихъ организацій въ средѣ славянства. Византизмъ носилъ въ себѣ слишкомъ много неподвижности и консерватизма и не казался способнымъ приспособляться къ новымъ историческимъ условіямъ. Онъ при царяхъ македонской династіи принялъ такое направленіе, которое казалось несомѣстимымъ съ развитіемъ политической и церковной жизни въ славянскихъ государствахъ на Балканскомъ полуостровѣ». Войны царя Василія съ болгарами рѣзко и опредѣленно выразили всю противоположность народныхъ характеровъ и историческихъ призваній грековъ и славянъ. Войны эти, разрѣдившія славянское населеніе и лишившія его господствующаго положенія, способствовали тому, что Балканскій полуостровъ на долгое время утратилъ внутреннюю силу сопротивленія и сдѣлался легкимъ орудіемъ въ рукахъ сосѣдей, одинаково враждебныхъ для Византіи и для славянъ.

Таковы выводы изъ этого чрезвычайно важнаго для ознакомленія съ судьбами славянства труда.

М. Попруженко.